

Цзян Ехун с самой первой встречи не мог избавиться от смутного чувства, что с этой женщиной что-то не так. Даже когда она упоминала Лу Чана и двух других, в её голосе сквозила едва уловимая, затаённая обида. Он всё пытался понять, какую роль она играет в этом деле.

«Картину «Полет небожительницы» я забрал в Люшаньмэнь сразу после смерти Лу Чана. Позже госпожа Лу забрала её под предлогом, что Лю Юань хочет на неё взглянуть. Получается, у него Гао Ли не было возможности коснуться свитка — доступ к нему имели только сама госпожа Лу и её приближенные».

Ехуну не хотелось подозревать женщину, но слова Чжао Чэня о том, что её выдали за Лу Чана против воли, не давали покоя. Кто знает, какую ярость она затаила в сердце? Голова шла кругом. Распутывать подобные узлы — занятие не из лёгких.

— Ладно, — выдохнул он, потирая виски. — Завтра снова наведаемся к госпоже Лу. Время уже позднее, пора отдыхать.

Жун Жо поднялся. На этот раз староста выделил им отдельные комнаты, так что тесниться на одной кровати не пришлось.

— Старший брат Чу, доброй ночи.

— И тебе, — кивнул Ехун.

Ночной покой Деревни Девяти Семей давил на плечи, заставляя сердце биться чаще. Ехун ворочался с боку на бок, но сон не шёл. Перед глазами то и дело всплывал тот странный, пугающе живой сон: Жун Жо с глазами цвета фиалки, безмолвный, как призрак, возникающий прямо перед ним. Это казалось бредом, но в ноздрях всё ещё стоял тот дурманящий аромат. Как человек бывалый, он знал — так пахнут лишь особые благовония.

Если это не игра воображения, то глаза... фиолетовые глаза? Неужели Жун Жо — какой-то оборотень? Мысль была нелепой, но слишком уж реальной казалась та встреча. К тому же в деревне не было слышно даже ночного сторожа — тишина стояла гробовая.

Не выдержав, Ехун поднялся. Сомнения грызли его, и пока он не убедится в своей неправоте, покоя не видать. Комната Жун Жо была по соседству. Окна темны — спит.

Ехун помедлил, а затем бесшумно толкнул дверь. Внутри царил мрак. Одеяло на кровати было взбито так, будто под ним кто-то лежал, но стоило Ехуну его откинуть, как он обнаружил лишь пустоту. Жун Жо умышленно создал видимость своего присутствия. Парнишка не владел боевыми искусствами, а деревня была полна чертовщины. Случись что — и спасать будет некогда.

Бросившись к выходу, Ехун замер. Со стороны дома старосты показались несколько фигур в черных жреческих облачениях. Лица их скрывали маски ракшасов, превращая людей в порождения ада. Ехун нырнул за стог сена. Кто это? Ночной патруль? Или время жертвоприношения уже настало?

Люди в масках вошли в один из домов на восточном краю деревни. Вскоре они вытащили оттуда мужчину с кляпом во рту и отволокли в каменную хижину за домом старосты. Ехун насчитал пять таких вылазок. Каждый раз они приводили новых пленников — молодых юношей и девушек. Всех брали силой. Сомнений не оставалось: это те самые «посланники божества». Траурные флаги убраны, жертвы выбраны. Скоро начнется обряд.

Но где же Жун Жо? Ехун обшарил всю деревню, заглянул в каждый угол, но парня нигде не было. Выбившись из сил, он вернулся к дому, и вдруг увидел — в комнате Жун Жо зажгётся свет.

Он рванулся туда. Жун Жо сидел на кровати, закатав штанину: колено было разбито в кровь. Заметив Ехуна, он вздрогнул и торопливо опустил ткань, глядя на вошедшего испуганно, словно заяц, загнанный волками.

— Брат... Брат Чу... как ты здесь...

Ехун невольно выдохнул. Значит, тот случай с глазами всё-таки был сном.

— Я заходил к тебе, а тебя нет. Куда ты делся посреди ночи?

Жун Жо виновато опустил голову, судорожно сжимая край одежды.

— Прости... мне очень жаль...

— Куда тебя понесло? — уже мягче спросил Ехун. — Не нужно извиняться, но ты ведь не умеешь драться. Бродить одному по ночам — верная гибель.

— Виноват, брат Чу. Мне не следовало действовать за твоей спиной.

— Ладно, проехали. Что с ногой? — Ехун заметил, как сквозь ткань проступает кровь. Неженка, выросший в тепле и холе, наверняка изнывал от боли.

— Пустяки, — покачал головой Жун Жо. — Просто оцарапался, скоро заживет.

— Дай посмотрю.

Ехун опустился на корточки, по-хозяйски положил ногу Жун Жо себе на колено и осторожно закатал штанину. Рана размером в пол-ладони выглядела скверно.

— Где же ты так приложился?

— Днем я видел Гао Ли возле храма предков, — Жун Жо отвел взгляд, в его глазах читалось раскаяние. — Мне показалось, что он связан с тем пожаром. Я решил сходить к заброшенному дому семьи Гао, думал перехватить его там. Но в темноте заблудился, оступился на камнях и упал. Пришлось возвращаться ни с чем.

Ехун и не думал его ругать, скорее поражался тому, как безрассудно было лезть в горы глубокой ночью.

— Лекарств нет... Болит сильно?

Жун Жо посмотрел на него с удивлением, а затем улыбнулся.

— Ничего страшного. Перевяжу, а к утру уже корочка будет.

Ехун поспешно опустил ногу парня. Жест вышел каким-то слишком уж интимным. Внезапно он почувствовал себя донельзя неловко.

— Ты... это... не подумай ничего такого, я просто...

Язык заплетался, лицо обдало жаром. Но Жун Жо лишь кротко смотрел на него.

— Я не думаю плохого. Брат Чу просто заботится обо мне.

Ехун отвернулся, чувствуя, как по спине потек пот.

— Ну еще бы! Я ведь притащил тебя сюда. Случись с тобой беда — люди живьем съедят, скажут, бросил слабого на произвол судьбы.

«Что я несу? Почему это звучит так странно?»

Ехун запутался в собственных мыслях — слов не хватало, а те, что находились, были явно не к месту. Сказалось отсутствие образования.

— Кроме моих родителей, брат Чу — единственный, кому я дорог. Я счастлив, что встретил тебя, — тихо произнес Жун Жо.

«Он что, меня в отцы записал?» — подумал Ехун. Впрочем, учитывая, что он спас парня из борделя, это было логично. Благодарность за новую жизнь. И всё же роль отца Ехуну не улыбалась. Братом — еще куда ни шло.

— Пойду поищу какую-нибудь мазь.

Стоило двери закрыться, как кротость с лица Жун Жо слетела, словно сухая шелуха. Он помрачнел, в глубине зрачков заплескалось холодное, граничащее с безумием пламя. От прежнего беззащитного юноши не осталось и следа. Оболочка была прежней, но суть внутри внезапно переменилась.

У Ехуна не нашлось ничего кровоостанавливающего, а будить старосту среди ночи не хотелось. Он вернулся ни с чем. Жун Жо уже сам перебинтовал колено.

— Ничего, так сойдет. Брат Чу, не беспокойся за меня. До рассвета осталось всего ничего, ложись спать. Прости, что заставил тебя волноваться.

— Твоё «гулянье» — это одно, но я и так не спал... — Ехун замаялся. — Приснилось мне, понимаешь, будто глаза у тебя стали фиолетовыми. Из-за этого и места себе не находил.

Жун Жо удивленно распахнул глаза.

— Фиолетовыми? Брат Чу, ты принимаешь меня за лесного духа?

— Да мало ли что во сне померещится, — смутился Ехун.

— Кто знает... Может, в глубине души ты и правда считаешь меня лисом-оборотнем, пришедшим смущать твой покой? — Жун Жо усмехнулся.

— Ерунда. Никогда так не думал. Спи уже, я пошел к себе.

Ехун рухнул на кровать и мгновенно провалился в сон. На этот раз память унесла его в детство. Тогда он выжил, но вся семья погибла. Чтобы не умереть с голоду, маленькому Ехуну пришлось пойти с протянутой рукой. Люди шарахались от его лохмотьев, и за день удавалось выпросить лишь пару медных грошей. Он вспомнил душную летнюю ночь. Другие бродяги выгнали его из старого храма, и он, глотая слезы, брел куда глаза глядят, лишившись последнего крова.

У ручья надрывно квакали лягушки. Ехун сидел на берегу, кидая камни в воду. Кольца расходились по черной глади. Жить было невыносимо. Какой смысл, если ты один на всем свете? Голодный, раздетый, никому не нужный. Детское сердце не выдержало, и он, встав, медленно побрел в воду.

Стояла жара, и у берега вода была почти теплой. Когда поток дошел до лодыжек, за спиной раздался мелодичный звон серебряных колокольчиков. Ехун замер. Из леса выпорхнули светлячки, закружились над водой, точно крохотные фонарики. Было до боли красиво. Он утер слезы и обернулся на звук.

Мальчик, выше Ехуна на голову, стоял на берегу. Его кожа в лунном свете казалась почти прозрачной. Он был бос, на лодыжках позвякивали серебряные бубенцы. Синий наряд, запястья и шея в серебре, а на лбу — украшение в виде серебряной змеи. Две тонкие косички, переплетенные алыми нитями, лежали на плечах.

Ехун замер, не дыша. Незнакомец подошел ближе, и в лунном свете вспыхнули его глаза — ледяные, фиолетовые. Маленький Ехун никогда не видел таких людей. Страх сковал его, он попятился, споткнулся о камень и сел прямо в воду. Странному мальчишке было на вид лет четырнадцать-пятнадцать, но в нём не было ни капли юношеского задора. При взгляде в эти холодные очи он ощутил дыхание самой смерти. От незнакомца веяло такой первобытной жутью, будто там, где он проходил, вяли цветы и сохли деревья. Смерть следовала за ним по пятам. Ехун не понимал, откуда взялось это чувство, но оно было невыносимо реальным.

Мальчик смотрел на него без тени сострадания.

— Жизнь не мила? — голос его был подобен зимней стуже. — Решил утопиться?

<http://bllate.org/book/17428/1658230>